

Andrzej Narloch (Андржей Нарлох)

Университет им. А. Мицкевича
(Познань, Польша)**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЦВЕТОВОЙ
ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ**

Цвет, как правило, неразрывно связан со всеми проявлениями культурно-поведенческой активности и занимает значительное место в вербальной и невербальной коммуникации между членами определенного социума. Цвет изучается с различных сторон: оптической, физической, эмпирической и языковой. Цвет как таковой воздействует физиологически на человека и его нервную систему. На базе этих наблюдений начали разрабатываться новые дисциплины такие, как светотерапия, цветотерапия. В этом отношении наиболее активным в палитре цветов оказался *красный*, вызывающий учащение дыхания, пульса и активизацию работы мускульной системы, отчасти и раздражение. Цвет воздействует и на наши эмоции, т.е. под влиянием того или иного цвета мы испытываем различные чувства, переживания, напр.: спокойствие (*зеленый*); всеобщее возбуждение (*желтый*); побуждение, активность, страстность (*красный*); печаль (*черный*); равнодушие (*серый*). Чрезвычайно богата также символика цвета, которая отражает не только культурные и религиозные особенности, но и связана с астрологией, планетами, сторонами света, временами года. Символическое богатство цветов наглядно используется и в художественной речи и актуализируется в зависимости от идейно-эстетического замысла автора.

При исследовании системы цветовой номинации в современном русском языке следует отметить, что данная категория образует коммуниктивную систему, внутри которой выделяются единицами устанавливаются системные связи. На «вершине» системы стоит понятие *цвет*, затем центральное пространство занимает 12 основных цветных обозначений [Waszakowa, 2000: 24-25], которые, в свою очередь, образуют микрополя с частными периферийными единицами, группирующимися вокруг цветовой доминанты основного цвета (ср. *красный* – *алый*, *багровый*, *малиновый*, *вишневый*; *зеленый* – *бутылочный*, *гороховый*, *изумрудный*, *малахитовый*). Существоют в языке промежуточные единицы, в которых иногда затруднительно отнести семантику цвета к определенной цветовой доминанте. Такой цвет может обладать двойной семантической мотивацией. Так, слово *кремовый* принадлежит к доминанте цвета *белый* и *желтый*, *бежевый* к доминанте *желтого*, *коричневый* и *серого* [Токаwski, 1995: 168]. Распределение цветоединиц в определенных микрополях обуславливается уже моделью цвета как набором

базовых цветов, насыщенности цвета, светлоты, смешения с другими цветами. Иерархия цветообозначения зависит также от сферы употребления и стилистической нагрузки.

Языковая подсистема *цвет* относится к числу открытых. Лишь ее некоторые фрагменты можно отнести к потенциально закрытым. Как, например, названия художественных красок или масти лошади образуют относительно замкнутый список возможных расцветок. Зачастую названия масти лошади, кроме значения собственно цвета, несут дополнительную информацию об оттенках других цветов на различных частях лошадиного тела, о полосах, пятнах, т.е. несут информацию о рисунке внешнего покрова [Моисеевко, 2003: 136]. Поэтому некоторые исследователи склонны выделять названия мастей из группы собственно цветообозначений из-за их способности называть не только цвет, но и другие элементы зрительной информации. Такой дуализм оптической информации проявляется в передаче, кроме значения собственно цвета, отличительных по своей природе характеристик, как фактура, способность отражать свет, впечатления от прикосновения. По сути, последний элемент связан со зрительной информацией, а с осязательными ощущениями. Тем не менее, он является неотъемлемой частью описания значения некоторых цветообозначений. Совмещение информации о цвете и фактуре, цвете и осязательных ощущениях, цвете и отражающих свойствах можно найти, например, в адъективах, образованных от различных сортов тканей, материалов, химических веществ, напр.: *льняной*, *мателастый*, *перламутровый*, *смолистый*, *смоляной*. Например, в значении прилагательного *смолистый* содержится два смысловых компонента – *черный* и *блестящий*, и они неотделимы друг от друга, образуя комплексное смысловое целое. Возьмем другой пример → прилагательное *льняной*. *Большой толковый словарь русского языка* под ред. С.А. Кузнецова дает ему следующее толкование: «по цвету и мягкости, напоминающей волокно льна» [Большой толковый словарь, 1998: 509]. Не удивляет вовсе факт совмещения, кроме семантики собственно цвета, значения осязательности, поскольку история льна неразрывно связана с использованием его в качестве ткани, следовательно, оценивая качество ткани, мы ее трогаем, шупаем, чтобы почувствовать мягкость материала. Таким образом, в значении слова вошли два различных, но тесно связанных друг с другом описания.

Цвет, как языковая категория, является очень интересным материалом для лингвистических исследований. Особенно занимательно проследить развитие данной категории в современном русском языке. В советское время существовала своеобразная «идеология цвета»¹. После снятия тоталитарно-идеологической установки семантика цветообозначений не освобождается от своего исторического наследия. Например, за

¹ О роли красного и др. цветов в русском языке в XX веке см.: [Ермакова, 2003: 153].

именований или передавались они описательным способом. В результате в большом количестве образуются новые единицы, подражая в какой-то мере западным образцам и тенденциям, поскольку бурное развитие изучаемой категории наступило гораздо раньше в западноевропейских странах. Следы влияния чужих названий цветов в русском языке обнаруживаются отчасти в форме транслитерированных калек. В погоне за оригинальностью появляются чужие образования, совсем оторванные от цветовых ассоциаций русского общества, например: *блэкист блэк* (англ. *blackest black*), *бриллиант блю* (англ. *brilliant blue*), *грей флэннел* (англ. *gray flannel*), *сан* (англ. *sun*), *смоуки плам* (англ. *smoky plum*). Тем не менее, ограниченность этого процесса позволяет надеяться, что в недалеком будущем такие образования исчезнут, а их место будут занимать собственно русские наименования.

По нашим представлениям, развитие цветовой номинации идет по двум направлениям. С одной стороны, наступает расширение списка цветообозначений, возникших на базе существующих в языке словообразовательных возможностей, с другой – отмечается бурное появление названий терминологического характера. Все чаще в функции цветочных слов используются кроме прилагательных и другие части речи. В-третьих, среди растущего количества новых наименований появляются образования, наделенные эмоциональным оценкой. Следует отметить, что изменяется и функциональная направленность новых наименований. Изменения в цветовой лексике являются также отражением общих языковых процессов, таких, например, как аналитизм.

Толчком к мощному образованию терминологических наименований были экстралингвистические факторы, связанные с внедрением продвинутой лакокрасочных технологий в России. За последние десятилетия образование цветочных терминов является характерной чертой развития этой лексической группы. Образование новых терминов – явление стихийное и обусловливается спецификой той отрасли, в которой оно возникает. В номенклатурных названиях появилась тенденция избегать употребления основного фонда цветообозначений, которые представляются как привычные, даже «изношенные» слова, не отвечающие современным языковым запросам. Основная масса этих прилагательных, в силу своей стилистической нейтральности, а также широты обозначаемого отрезка цветового спектра не смогла в компактной (не описательной) форме выразить узкую полосу спектра.

Как мы уже отметили, некоторые отрасли рынка очень чутки к цвету и требуют особой установки на внешнюю форму, в частности, – на цвет товара. Такое направление проявляется и в области словесного оформления. Поэтому цвет становится важным инструментом «языковой борьбы». Как пишут авторы статьи *Цвет и его название...*, «удачно выбранное слово может оказаться более действенным, чем сам цвет товара или даже его качество» [Василевич, 2000]. Компании защищают законом свои фирменные названия, цвет становится отличительным признаком

красным цветом уже давно закрепилось значение «революционного цвета», не только по историческим, но и психосоматическим причинам. Минувшая эпоха породила также разного рода устойчивые сочетания составные наименования, перифразы, идиомы, прежде всего общественно-политического характера. Причем, согласно идеологии, особая роль отводилась красному цвету: *красный галстук, красный богатырь, красный день календаря, красная доска, красный уголок*¹.

С 80-х годов русский язык пережил глубокие изменения, вызванные социально-политическими потрясениями. Эти процессы, как известно, продолжаются. Сегодня Россия переживает переломную историческую эпоху, связанную с переориентацией общественной мысли, переходом от социалистической системы к капиталистическим производственным отношениям, и медленно направляется к глобализации рынка. Смена экономической формации, ломка скованности мышления и интернационализация российской социальной и экономической жизни не могли не отразиться на языковых трансформациях. Этот период изобилует многими перифразами с компонентом-цветообозначением, например, *зеленая архитектура, зеленый барьер, желтый металл, белая жатва, белое зерно, белое золото* и мн. др. [Новиков, 2000].

Как отмечают авторы *Каталога названий цвета*, за последние десятилетия значительно активизировалась цветочная номинация [Василевич, 2002: 5-10]. Не вызывает сомнения факт, что рождаются новые возможности в области словопроизводства изучаемой лексики. Интенсивность ее развития обуславливается в значительной степени воздействием экстралингвистических факторов, таких, как мода, напор иноязычной лексики, интернационализация жизни и внедрение новых технологий, и связанный с этим бурный технологический прогресс.

Ныне тускло-серые и бескрасочные тона минувшей эпохи уступают место всплеску, с одной стороны, ярких и «крикливых» цветов, с другой – нежных и пастельных, удивляющих тонкостью и изысканностью колера. Также размах, с которым изменяется внешний облик улиц больших городов, поражает. Перепланируются фасады магазинов, чтобы «подогнать» витрины под западную шикарность. В результате повсюду колот глаза непривычные и насыщенные цвета билбордов, неонов и прочих реклам. Появляются скоординированные таблицы цветов, помогающие при ремонте дома подобрать интересующий нас оттенок в зависимости от личного вкуса. При подборе цвета декоративной косметики, гардероба стали делить людей по подходящим им цветам на *лето, осень, весну и зиму* (учитывая цвет волос, радужку глаз и естественную пигментацию кожи).

Естественным образом все эти факторы ставили перед языком задачу отреагировать, поскольку для многих реалий не существовало на-

¹ Много конструкций с прилагательным *красный* фиксирует словарь В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной [Мокиенко, 1998].

определенной торговой марки. Вспомним хотя бы цвет *красный королеский*, в который, по сути, могли окрашиваться только машины «Ролс-ройс». Торговой маркой защищаются также многие другие названия цветообозначений, например, из сферы декоративной, автомобильной промышленности¹. Проблематика номинации цвета в отдельном сегменте рынка имеет, с одной стороны, универсальные специфические черты формирования, характерные для всех проявлений человеческой деятельности, с другой – как каждая отрасль для привлечения внимания и пользуется специфические приемы, пользуясь при словопроизводстве определенным типом психологической мотивации.

Универсальность в формировании терминов цвета заключается в использовании тех же словообразовательных средств, которые применяются в деривации основного фонда русских названий цветов (исключая производные). В семантическом плане это явление прослеживается в ссылке на привычные прототипы, характеризующиеся константой определенного цвета. К таким классам предметов принадлежат названия природных объектов, таких, как камни, цветы, плоды, растения и др., ср.: *гранатовый, кукурузный, рубиновый, малахитовый, оливковый, миндальный* и др. Мы установили, что за последние два десятилетия цветовая лексика обогатилась такими прилагательными, как *алюминиевый, ананасный (ананасовый), антрацитовый, баклажанный, болотный, ватный, верблюжий, глиняный (глинистый), горчичный, земляничные, клубничный, клюквенный, кумачовый, латунный, осиновый, персиковый, платиновый, помидорный (помидоровый), поросчатый (грязно-розовый), умбристый, фуксиновый, цикломеновый*².

Изменения в области цветовой лексики касаются также структурной устроенности. Как правило, основной фонд цветообозначений выражается простой формой прилагательного (*желтый, фиолетовый, голубой* и др.). Такой же формой выражаются производные цветообозначения, образовавшиеся уже давно, ср.: *малиновый, вишневый, золотой, изумрудный, апельсиновый* и др. Подавляющее большинство цветообозначений образуется от существительных суффиксальным способом при помощи суффиксов *-н-, -ов-, -ист-, -енн-*. Особенностью анализируемых дериватов является то, что (кроме производных) они исключительно производятся от субстантивов, часто через ступень сочетания с родовым словом (классификатором) – *цвет, ср. цвета малины, цвета табака, цвета фисташки*. Так, с помощью суффикса *-н- (-очн-)* образованы, например, следующие отсубстантивные прилагательные: *сапфирный, табачный, аспидный, брусничные, желточный*; с помощью суф-

фикса *-ов-* появились лексемы: *фисташковый, абрикосовый, персиковый, лиловый, коралловый, рубиновый*; с помощью суффикса *-ист-* возникло слово *землистый*, а суффикса *-енн-* – лексема *соломенный*. Сегодня по тем же словообразовательным моделям строятся новые лексемы.

Кроме словообразовательной деривации намечается также тенденция строить новые цветообозначения путем: а) использования существительных в номинации цвета; б) образования субстантивных словосочетаний; в) сочетания двух прилагательных в синтагматическом ряду.

а) В номенклатурных названиях цвета все чаще прибегают к существительным. Существительные, которые стали функционировать в качестве прилагательных, подвергаются процессу адъективации. Не исключено, что прямое отнесение к объекту в большей мере наводит на мысль о его цвете, представляя его через призму предмета как носителя соответствующего внешнего признака [Nagloch, 2003: 100]. Так, названия, непосредственно ссылающиеся на предмет как цветовой образ, широко представлены в нашем материале, напр.: *айсберг (белый), аквамарин (сине-зеленый), аметист, авантюрин (черный), баклажан, джунгли (темно-зеленый), жемчуг, изумруд, ирис (серебристо-голубой), коралл, корица, миндаль, нарцисс (желтый), опал (серебристо-голубой), песок (серебристо-бежевый), рубин, сапфир, табак. Первообразом таких наименований служили конструкции типа: *цвета рубина, цвета амегипста, цвета миндаля* и т.д. Однако, наблюдая интенсивность появления все новых существительных в данной функции, мы полагаем, что новые цветотермины возникают уже самостоятельно, минуя путь сочетаемости с родовым словом. Не исключено также, что употребление существительных в функции цвета является результатом влияния иноязычных цветových терминосистем, ср. под влиянием английских *safraga, heliotrope, segamis blue* появились русские эквиваленты: *сахара (песочный), гелиотроп (темно-синий), голубая керамика*.*

Следует еще отметить факт, что нередко в качестве цветových слов используются собственные имена существительные. Этот факт подтверждают наименования: *посейдон (голубой), виктория (ярко-красный), кармен (красный), снежная королева (серебристый), нептун (темный серо-синий), майя (темно-бордовый), моцарт (зеленый)*. Как правило, в результате окачествления эти слова утрачивают присущие им лексико-грамматические категории существительного. Отражением смешения с цветowymi системами других языков являются, например, также субстантивы-топонимы, употребляемые в функции прилагательного. Данная группа представляет собой названия городов, географических мест, напр.: *адриатика (голубой), медео (голубой), пицунда (зелено-синий), пирано (красно-коричневый)*. Причем в большинстве случаев они касаются реалий, чуждых русскому человеку, напр.: *корсика (темно-зеленый), монте-карло (ярко-синий), рио верде*.

¹ О тенденциях в развитии цветовой номинации в автомобильной промышленности см.: [Nagloch, 2003].

² Материал подобран из Словаря русского языка, под ред. А.П. Евгеньевой (М., 1981), Словарных материалов, под ред. Н.З. Котеловой (СПб.), сборники за 1982-1989 и Большого толкового словаря русского языка, под ред. С.А. Кузнецова (СПб., 1998).

б) Цветовая лексика обогащается также за счет субстантивных словосочетаний, напр.: *чайная роза (светло-желтый), мокрый асфальт (серо-бежевый металл), спелая вишня, красный коралл, алая заря*. Ссылка на определенный цвет может быть помещена как в опорном, так и подчиненном компоненте. Таким образом, использование словосочетаний в качестве цветообозначений дает возможность довольно точно определить желаемый оттенок благодаря использованию двух лексем. Однако, с другой стороны, если в основу номинации легли слова, значение которых лишь ассоциативно связано с обозначаемым цветом, то следует здесь усматривать преобладающую функцию экспрессивного характера. Конечно, данные типы цветообозначений употребляются уже давно в поэтической речи, а сейчас становятся достоянием терминологических названий цвета.

в) Последний тип появился на базе сочетания двух прилагательных в синтагматическом ряду. В таких образованиях определяемым словом становится компонент, называющий один из основных наименований цвета (реже неосновных). Вторым компонент, как правило, конкретизирует оттенок обозначаемого стержневым словом цвета, напр.: *золотой лиловый, красный малиновый, розовый сиреневый, желтый хромовый, белый серебряный*. Такое наращивание прилагательных — явление относительно новое и не имеет обоснованной причины, потому что язык располагает уже эквивалентными сложными наименованиями, ср.: *лилово-золотистый, малиново-красный, сиренево-розовый, хромово-желтый, серебряно-белый*. В функции определяющей словоформы имеются нередко прилагательные, которые в прямом значении четко не ассоциируются с средством выражения категории цвета. Приведем иллюстрации: *красный сигнальный, сосновый зеленый, альпийский белый, голубой королевский*. В таких случаях практически нет возможности анализа этих конструкций одним сложным прилагательным, за исключением индивидуально-авторского подхода. При этом следует отметить, что в функции опорного слова имеются лишь основные названия цветов, а практически не встречаются неосновные типа: *малиновый, ослепительный, бирюзовый* и т.п.

Разновидностью рассмотренных выше терминов являются сочетания прилагательного и подчиненного ему существительного. В качестве зависимых слов имеются, прежде всего, существительные, называющие географические термины, ср.: *белый Касабланка, зеленый Рио, красный Колорадо, красный Марсель, красный торнадо*. Такие образования являются результатом копирования структуры цветковых систем других языков: *Casablanca white, green Rio* и др.

Характерной чертой части новейших цветообозначений является экспрессивная окрашенность. Такие слова несут определенную долю эмоционального заряда. Нами отмечены конструкции, опирающиеся на образное представление цвета. Конструкции этого типа экспрессивно маркированы, ср.: *полярное море, бриз (зелено-голубой), золотистый*

зеленая резеда, живое серебро, золото пустыни, ниагара (золотисто-серебристый), алая заря, бронзовая богиня, весеннее цветение, черная звезда, золотая осень, китайский фарфор. Большинство приведенных образований могло бы послужить творческой материей поэтам и писателям благодаря своей смысловой и эмоциональной насыщенности. Следует подчеркнуть, что активизируются лишь такие формации, которые возбуждают положительные эмоции. Образование этого типа относится к высокому стилю, характеризующемуся патетичностью и приподнятостью. Сравнивая ключевые цветообозначения, зафиксированные в *Большом толковом словаре русского языка* под ред. С.А. Кузнецова, и новейшие цветотермины, можно заметить, что движение стилистических изменений направлено от нейтрального к высокому. Ср. *лиловый — лиловый бархат, желтый — лунный камень, персиковый — золотой персик, алый — алая заря*. Конечно, о полной эквивалентности относительно семантики цвета говорить нельзя. Как мы уже сказали, подавляющее большинство образований создает картину впечатлений, положительно ассоциирующихся в сознании людей. Некоторая часть новообразований ссылается не только на поэтические образы, но и на другие типы ценностей. К таким образованиям относятся, например: *клубничный сироп, малиновое варенье, нежный персик, розовый грейпфрут, малина со сливками, сливочный джем, спелая вишня, фруктовый десерт, шоколад, шоколадка, шоколадомания, шоколадный десерт (красно-коричневый), ягодный сок (все цветотермины из косметической терминологии)*. В отмеченных примерах цвет связан со вкусовыми ощущениями человека, причем все конструкции вызывают положительные ассоциации у рядового человека. Вообще человек на основе цвета разных продуктов в состоянии определить их свежесть, ср. *Все так же предлагают проходим возле базаров, станций метро молоко в грязных бутылках, неизвестно сколько простоявших на солнце, творог в плыли, позеленевшее мясо и сосиски (из газет); позеленевшее — значит непригодное к потреблению мясо; лишённые цвета фрукты говорят нам, что они не первой свежести. Зато, например, румяные и красные яблоки подчеркивают их свежесть, сочность и вкус. Другие вкусовые ощущения, как горький, терпкий, соленый, кислый вовсе не принимают участия в данном словопроизводстве*.

С появлением отмеченных выше лексем изменяется и функциональная направленность новых цветообозначений. Номинативное значение основных цветообозначений выражает внешний признак предмета. Иная ситуация складывается с большинством новейших цветообозначений. В таких образованиях на второй план уходит номинативное значение лексем ввиду ослабления (и даже отсутствия) понятийной связи между самим названием и значением обозначаемого цвета. Более того, новая функция, перед которой стоят слова, позволяет судить о наделении слов дополнительной рекламной функцией. Рекламная функция достигается благодаря употреблению броских, поэтических выраже-

ний, создающих эмоциональную картину выражения. Как правило, образование этого типа должны привлечь внимание, возбудить любопытство или вызвать определенные эмоции. Характерным признаком части терминов является отсутствие связи между названием и самим представлением о цвете. В значении таких лексем трудно выделить какой-нибудь компонент цвета. В таком случае можем говорить лишь о чисто ассоциативной связи с цветом. Ассоциация цвета и названия, использованного как образец того же цвета, бывает крайне отдаленной или вообще отсутствует. Такие цветообозначения становятся лишь знаковым символом, выражающим цвет, например: *медео (голубой), шампань, майя (северистый темно-бордовый), скиф (вишневым), электрон (темно-серый), амулет (темно-зеленый), бабочка (темно-розовый), жар-птица, мечта, романс.*

Обогащение цветовой лексики связано и с общеязыковыми тенденциями в развитии языка. Как известно, русский язык, подобно другим европейским языкам, развивается в сторону аналитизма, т. е. упрощения морфологических форм и возрастания роли синтагматической цепочки в построении фразы. Эти тенденции подробно освещались в монографии «Русский язык и советское общество» [Русский язык, 1968]. Данным вопросам уделял внимание также А. Бартошевич, полагая, что рост аналитизма можно определить как постепенное ослабление синтагматической спаянности [Bartoszewicz, 1987: 70]. Как указывалось выше, цветové слова в подавляющем большинстве морфологически выражаются склоняемыми именами прилагательными. Говоря о развитии аналитизма в категории цвета, нельзя забывать о том, что в современном русском языке обогащается состав неизменяемых цветových прилагательных. Не имея своих флективных форм, прилагательные сочетаются, как правило, с существительными в постпозиции, ср.: *юбка электрик, берет индиго*. К несклоняемым прилагательным, обозначающим цвет, относятся также *хаки, бордо, маренго, фрез, ультрамарин, терракот*. Данные цветообозначения выражают значение признака в отвлечении от грамматических форм рода, числа и падежа, соединяясь с опорным словом связью примыкания [Русский язык, 1968: 105]. У некоторых несклоняемых прилагательных появились уже давно склоняемые эквиваленты, образованные суффиксальным способом, например, *терракотовый*. В номенклатурной терминологии встречаются случаи употребления субстантива – *терракота* (калька с англ. *terracotta*). Другие лексемы получили возможность входа в грамматическую систему русского языка со всем недавно, ср. *электриковый, умбристый*. Часть слов до недавнего времени различалась сферой употребления, т. е. литературные: *бордо, беж*, и стилистически сниженные: *бордовый, бежевый* [Русский язык, 1968: 108]. Включение в флективную систему русского языка таких наименований отнюдь не препятствует появлению новых несклоняемых названий цветов. Правда, их чаще слышат в устной и разговорной речи, чем в письменной, ср.: *бургунди, эрю, перванш (серовато-голубой)*.

Кроме неизменяемых прилагательных, стоящих в постпозиции по отношению к главному слову, такое же положение занимают другие части речи, функционирующие в качестве названий цвета. Появление в русском языке на месте цветообозначений-прилагательных существительных или целых словосочетаний – сравнительно новое явление. Можно сказать, что такая тенденция дает возможность, с одной стороны, более точно передать оттенок определенного цвета, с другой – создать экспрессивно маркированные термины. Конструкции подобного типа очень часто сочетаются со своим родовым словом (классификатором) – *цвет*, причем всегда в постпозиции. Сохраняя свои грамматические категории как таковые, данные слова или словосочетания в этой позиции теряют свои способности к словоизменению. Одним словом, ведут себя подобно несклоняемым прилагательным, тоже занимающим эту позицию. Неизменяемость этого типа образований подтверждают типичные контексты из газет и журналов: *Традиционно цвет «снежная королева» пользуется наибольшим интересом у потребителей и занимает более половины от общей программы окраски автомобилей. А вот в сентябре, по сведениям LADAO LINE, полученным из неофициальных источников, на ВАЗе планируют запустить два новых цвета: «млечный путь» (черный) и «петергоф» (светло-зеленый). На российском рынке офисной мебели пользуется спросом серия «Лира». Коллекция выполнена в цвете «орех». Компания «Инлайн» в своих моделях ввела новое цветочное исполнение «клён». В раздел серии ВЕЛС добавлены фотографии в цвете «миланский орех». На вечер подойдет помада к холодным цветам: виноград или слива, а к тёплым ближе к персиковому, не красный! Попробую дать несколько советов про цвет «миндаль». Следует отметить, что довольно часто в русском языке при сочетании двух существительных с родовым и видовым значениями последний компонент сохраняет форму именительного падежа во всех косвенных формах (цвет «миндаль», цвета «миндаль», цвету «миндаль» и т. д.).*

В заключение следует сказать, что при обзоре цветовой лексики в современном русском языке отмечается широкое вторжение номенклатурных наименований. Сегодня цветочная номинация связана в большой мере с развитием психологии рекламы и маркетинга, поскольку многие названия представляют собой конструкции с рекламирующей функцией. Язык начинает использовать увлекательные слова и словосочетания, способные создать эмоциональный образ цвета. Отличительным признаком некоторых цветových слов является отсутствие какой-нибудь семы цвета в значении слова. В таком случае можно говорить лишь об ассоциативной связи лексемы с обозначаемым цветом. Правда, иногда такую ассоциацию вообще трудно найти. Подобные наименования становятся лишь знаковым символом, выражающим цвет, в которых на первый план выдвигается не столько семантическое, сколько коннотативное значение. Процесс развития изучаемой категории является также отра-

жением более общих языковых тенденций, в частности, аналитизма, который проявляется в утрате словоизменительных возможностей заимствованных элементов в сочетании с родовым словом – *цвет*. О росте аналитизма свидетельствуют также случаи появления новых несклоняемых прилагательных.

Литература

- Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., 1998.
- Василевич А.П. Цвет и его название. Развитие лексики цветообозначения в современной России / А.П. Василевич, С.Н. Кузнецова, С.С. Мищенко // Вестник РФИ. – 2000. – № 1(19).
- Василевич А.П. Каталог названий цвета / А.П. Василевич, С.Н. Кузнецова, С.С. Мищенко. – М., 2002.
- Ермакова О.П. Тоталитарное и посттоталитарное общество // О.П. Ермакова // Русское слово в мировой культуре. – СПб., 2003.
- Моисеенко В.Е. Знаем ли мы русские цветоименования? // В.Е. Моисеенко, Л.Н. Моисеенко // Русское слово в мировой культуре. – СПб., 2003.
- Мокиенко В.М. Толковый словарь языка совдепии / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – СПб., 1998.
- Nałoch A. К вопросу о цветоименованиях в русском и польском языках (На примере цвета кузова автомобилей) / A. Nałoch // Русистика и современность. – Rzeszów, 2003. – С. 96-107.
- Новиков А.Б. Словарь перифраз русского языка / А.Б. Новиков. – М., 2000.
- Русский язык и советское общество. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. – М., 1968.
- Bartoszewicz A. Zagadnienia ewolucji współczesnego języka polskiego / A. Bartoszewicz. – Warszawa, 1987.
- Tokarski R. Semantyka barw we współczesnej polszczyźnie / R. Tokarski. – Lublin, 1995.
- Waszakowa K. Podstawowe nazwy barw i ich prototypowe odniesienia. Metodologia opisu porównawczego / K. Waszakowa // Studia z semantyki porównawczej, nazwy barw, nazwy wymiarów, predykaty mentalne / Pod red. R. Grzegorzukowej, K. Waszakowej. – Cz. I. – Warszawa, 2000.

УДК 811.161.1:378

Г.А. Николаев

Казанский государственный университет
(Казань, Россия)

ПОЛЬСКИЙ ЯЗЫК В ВУЗОВСКОМ КУРСЕ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Современные учебные планы специальности «русский язык и литература» российских университетов не имеют обязательного для всех студентов-филологов курса сравнительной грамматики славянских языков. В программах фактически отсутствует обобщающий курс сравнительного славянского языкознания, подводящий итоги изучению славянских дисциплин на младших курсах, таких, как введение в славянскую филологию, старославянский язык, современный славянский (в Казанском университете – польский) язык.

В определенной мере функцию такого обобщающего предмета по сравнительно-исторической славистике берет на себя курс исторической грамматики русского языка, так как рассмотрение основных проблем истории русского языка ведется в сравнении со старославянским и современным славянским (польским) языками, а также современным русским языком и русской диалектологией. При этом сравнение получается обоюдным (двусторонним): в курсе исторической грамматики русского языка используются для сравнения факты польского языка, а в курсе польского языка, который читается параллельно исторической грамматике, используется для сравнения материал истории русского языка.

Таким образом, в преподавании исторической грамматики русского языка особое значение приобретает сравнительно-исторический комментарий к отдельным языковым процессам и явлениям. Проведение такого комментария не является самоцелью: оно заключается не в том (или не только в том), чтобы показать соответствия в других славянских языках тому, что мы наблюдаем в истории русского языка, сколько в том, чтобы показать развитие того или иного явления в русском языке на славянском языковом фоне и подчеркнуть специфику развития этого явления в русском языке, противопоставляющую русский язык в этом отношении другим славянским языкам (группе славянских языков) или объединяющую его с другими славянскими языками.

Сравнительно-исторический комментарий особенно требуется тогда, когда излагается какая-то новая точка зрения, не отраженная в учебных программах и пособиях. Славянский материал играет в этом случае роль дополнительных аргументов (ср., например, использование В.М.Марковым материала словацкого языка при обосновании своей гипотезы развития флексий *-ам*, *-ами*, *-ах* во множественном числе скло-